

Елена Степанова

12+

Про котов и некотов

(ироничные мяумуары)

Елена Степанова
Про котов и некотов

«Автор»

2020

Степанова Е. Г.

Про котов и некотов / Е. Г. Степанова — «Автор», 2020

Это не дань моде - писать про котиков, это веление сердца. Когда вспоминаешь о своих питомцах, оживает детство и юность, вереницей проходят знакомые лица, хочется петь и смеяться, как дети, грустить и плакать, шутить и делать глубокомысленные выводы. Вот такие ироничные мяумуары.

© Степанова Е. Г., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Котословие	5
Глава первая. Баллада о Мимише	6
Глава вторая. Франтик	21
Глава третья. Чернушка и Бальзамин	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Степанова

Про котов и некотов

Котословие

Надо сказать, мы кошатники. Слово, может, не слишком красивое, но зато точно выражающее суть – любители кошек, котолубы. Вы думаете, мы не любим собак? Нет, собаки хорошие, некоторые очень даже милые, просто сердце наше отдано кошкам, и с этим ничего не поделаешь.

Глава первая. Баллада о Мимише

Хорошо быть кисою, хорошо – собакою!

Правда, было одно исключение. Я говорю о Мимише. Взяла как-то наша мама у своих знакомых щеночка. Жили они в соседнем подъезде, и их питомицу я часто видела на прогулке.

Она больше всего напоминала маленькую упитанную белую овечку на коротких кривых ножках с визгливым голоском, и мне тогда, простите, казалась такой же тупенькой, как все овцы. Думаю, её хозяева были другого мнения.

Щеночек же, отпрыск этой сварливой «овечки», выглядел просто ангелочком, мохнатеньким, кудрявеньким и невинненьким, белым и пушистым. Даже фотография младенца сохранилась. На обороте написано: «Август 1987 г. Мимишке 1,5 месяца». На ней мы с братом и наше сокровище – Мими́, Мимишка, Мимишечка. Кажется, что в руках игрушечка, но нет, у игрушечки есть характер, своё мнение, острые зубки и любовь к шоколаду.

Кто-то сейчас точно поморщится и скажет: что за сюсюканье? А что я могу поделывать, если мне с детства нравятся уменьшительно-ласкательные формы слов, если с языка так и слетают всякие глупые рифмовки?

Росла наша Мимиша, росла, кормили мы её всякими вкусностями, от себя отрывали (время-то, помните, какое было?), но даже до мамы своей она так и не доросла, осталась маленькой, изящной девочкой. Овечьего в ней было немного – белые кудряшки, а мордочка скорее напоминала лисью остренькую. Когда её держали на руках, то волнистая шёрстка вместе с нежным полуприкрытым животиком напоминала белое платье в стиле ампир. Кокетка оказалась ещё та: только выйдешь с ней гулять, она уже зырк по сторонам – где кавалеры? Кого можно обляять и тут же за хозяйку спрятаться, на ручки попроситься? Кого выбрать в провожатые сегодня?

Перед глазами стоят картинки забавной собачьей жизни: вот Мимиша бежит по двору, окружённая кавалериками, их человек, простите, собак пятнадцать, все разномастные и разнокалиберные.

Некоторые огромные просто, даже страшно к ним подходить, brutальные такие, мохнордые, волкоподобные или львообразные. А в основном средненькие, немногим больше нашей красавицы. А она, малявочка, козявочка такая бесстрашная, вертится в центре всеобщего внимания, повизгивает, авансы воздыхателям раздаёт.

Удивляюсь многообразию собачьих типов. Среди них, как и у людей, оказывается, есть свои простаки и чудачки, злюки и подлюки, трусишки и храбрецы, великодушные рыцари и рыцари скупые, жадины-говядины, сердцееды и кокетки. Наша Мимиша рождена была покорять собачьи сердца.

Помню, как один паладин не поленился дойти по лестнице, бряцая когтями, до нашего девятого этажа и ломился в дверь, ударяясь в неё своей тушей. Надо сказать, в то время моя

младшая сестра расцвела, как роза, и у нас с ней были проблемы: приходилось отбивать её у двуногих кобельков, которые просто преследовали её, проходу не давали, даже по ночам звонили в дверь, требуя немедленного свидания. Причём наша красавица (вы поняли, о ком я сейчас) спала без задних ног, а нам с мамой было не до сна. Я через дверь вела долгие переговоры с влюблёнными юнцами, уговаривая их прийти утром. Минут через двадцать уговоров юнцы исчезали, причём навсегда, мы с мамой долго не могли после этого уснуть, а сестрёнка мирно посапывала, зная ничего не зная о треволнениях семьи.

Так что моей первой реакцией на дневное сотрясение двери было возмущение: опять кто-то к сестре пришёл?! Ну всё, сейчас я те дам по мордам! Открываю дверь, решительно глядя вперёд, на ожидаемого наглеца, а там, на уровне моих глаз, никого. Смотрю ниже – батюшки светы, пёс! Смотрит так нахально, вызывающе – я пришёл! И пытается уже просочиться в квартиру. Пришлось ногой топнуть, прикрикнуть и послать его подальше, на улицу. Побежал кавалерик вниз по лестнице несолоно хлебавши. Мимиша, возможно, была немного расстроена, но, как всегда, умильно-ласково смотрела на меня, виляя хвостом, и не любить её было невозможно.

Однажды вечером вышла я с Мимишей погулять. Кажется, начало осени было, ещё довольно тепло, сухо, хорошо так. Вечер не поздний, но всё уже окутано лёгким сумраком. Только отошли мы от дома – вдруг около моих ног появился пёсик, белый, кудрявый, похожий на нашу девочку, только покрупнее и потолще. Это была любовь с первого взгляда. Как они резвились, бегали, кружились, почти танцевали, прижимались нос к носику, вставали на задние лапы, а передними на мгновение касались друг друга... Не знаю, сколько минут прошло, потому что их чувства странным образом подействовали и на меня: я ощутила что-то вроде лёгкого головокружения, истомы, что-то сладкое разлилось по моему телу... Я была счастлива вместе с ними, радовалась их радостью. Во мне что-то пело и ликовало: вот она, жизнь, вот оно, счастье, вот она, любовь...

Вдруг вижу – парочка удаляется. Ещё немного, и наша драгоценная Мимиша исчезнет из виду, убежит с кавалериком. И где тогда её искать? Сможет ли она вернуться домой? А вдруг пропадёт? А вдруг это последний раз, когда я вижу её? И что я скажу дома, когда на меня обрушатся упреки мамы, сестры и брата? «Мимиша!» – позвала я её. Она остановилась, виляя хвостом, преданно глядя на меня, но я видела её нетерпение и желание как можно быстрее убежать с возлюбленным. Уже стемнело, и только благодаря белой шёрстке собаки были различимы в полутьме осеннего вечера. Я разрывалась между двумя противоположными желаниями: отпустить на волю свою питомицу, пусть порезвится с молодым избранником, пусть будет счастлива – нет, удержать, спасти, сохранить для себя, ведь это наша девочка, как мы без неё, а она без нас? Чувствуя себя почти преступницей – убийцей любви, я увела Мимишу домой. Кавалерик всё бежал за нами, всё не верил, что его мечта уходит. Я закрыла дверь подъезда перед его почти человеческим лицом, исполненным надежды.

Прошло столько лет, а мне до сих пор не по себе, когда вспоминаю об этом: и стыдно, и грустно, и радостно.словно приоткрылся неведомый мир и тут же ускользнул. Среди обыденности серой жизни иногда промелькнёт след этого иного, зовущего и манящего, растравит сердце, и ещё противнее покажется каждодневная суета. Ну, вздохнёшь и живёшь дальше.

Я-то уже давно живу, шестой десяток пошёл, а наша Мимиша прожила короткую жизнь – три с половиной года всего. Успела, правда, родить щенят (убежала-таки раз с кавалером), стала любимицей у моих учеников (я тогда в школе работала). А когда мы приехали вместе с ней к родственникам в посёлок, дети там смотрели на неё, как на чудо чудное, диво дивное.

Детей этих было шестеро – мои двоюродные братья и сёстры, белоголовые, ясноглазые, круглолицые. Наверное, больше в свою маму, мою тётю Катю – младшую сестру моей мамы. (Как-то нескладно я о родственных отношениях: мама, мама, моя, своя, твоя. Чья мама? Моя. Чья? Твоя. Нет, моя.)

Местные волкоподобные собаки в домах не жили, они или на цепи во дворе сидели, или свободно бегали, как дикие животные. А тут маленькая кудрявенькая белая живая игрушечка, видимо, по ошибке названная собакой. Разве такие собаки бывают? Она и не лает практически, на руках сидит, шоколадные конфеты кушает, и зовут её не по-нашему – Мими. И вот мои двоюродные братья и сёстры давай Мимишу к себе приваживать: каждому хочется её на руках подержать, потискать, погладить, поцеловать, к груди прижать. А мой младший брат считал себя настоящим хозяином Мимиши (мать и сёстры не в счёт), так что ругмя ругался с роднёй, вырывал собаку из рук мальчишек и девчонок, говоря, что она его и только его, никому не даст, руки прочь от моей Мимиши.

Отцом этих детей был мой дядя Миша, муж тёти Кати. Услыхав имя собаки, он обиделся. Пришлось объяснять, что такое совпадение случайно: назвали щеночка Мими, а потом появились всякие производные от этого имени: Мимиша, Мимишка, Мимишечка и так далее. Но всё равно, услышав «Мимишка!», он недовольно морщился.

С едой там было раздолье: и парное молоко, и разнообразная речная рыба, которую дядя Миша ловил, и вкуснейший белый хлеб в больших буханках с наплывающей по бокам корочкой. Кстати, почему в деревенских пекарнях такой вкусный хлеб? А в городе мы питались скромно. Мама ухитрялась нас троих кормить на свою небольшую зарплату. Впрочем, почему троих? Четверых. Троих детей и одну собаку. Мясо у нас на столе было редко, его и в магазине было не купить, а если оно чудом появлялось, то за ним выстраивалась огромная очередь.

Однажды мама вывела Мимишу погулять. Бежит наша кралечка так изящно, хвостиком виляет, ушками потряхивает. Тут проезжает грузовая машина, в кузове которой сидит солдат, он, глядя на Мимишу, вдруг бросает ей огромный шмат варёного мяса... Мама не успела ахнуть от удивления, как кусок уже стал исчезать в Мимишиной пасти. Как он вошёл в её маленький желудок, непонятно, но ведь вошёл же. Собака, радостная, побежала дальше, а мама стала грустить: вот если бы такой кусок оказался на столе у моих детей... Ну ничего, зато собака сыта.

Собака всегда была сыта. Мы не жалели для неё ничего. Если еды было мало, я просто жевала кусочек хлеба, и эту жёваную массу Мимишенька охотно поедала. Мой brutальный брат шутил, что если я разжую ей даже г..., то она и г... съест из моих рук. Он вообще любил такие фекальные шуточки. Например, я вечером возвращалась из школы, уставшая после уроков, а меня встречала Мимишенька, которая всегда радостно подбегала и просилась на ручки. Я подхватывала свою девочку, тискала, обнимала, целовала прямо в носик, в ротик. Домашние умильно глядели на эту сцену. Глядел и брат. Наглядевшись вволю, ухмылялся. Лучше сказать, цинично ослаблялся и с гыгыканьем произносил очередной шедевр: «А Мимиша на улице г... ела!» И жадно смотрел мне в лицо: какова будет реакция? Я досадовала на него за грубость и говорила: «Ну и что? Я её от этого меньше любить не стану!» Ответ всех удовлетворял, и мы шли ужинать.

Да, было дело. Мимиша, несмотря на упитанность и воспитанность, дорвавшись до улички, порой вела себя по-свински. Однажды мы её искупали, шёрстка стала совсем чистой, шелковистой, кудри-мудри завились с новой силой, раскрасавица, да и всё тут.

Только вывели Мимишу погулять, как она тут же, во дворе, нашла какое-то полуразжившееся вонючее месиво неизвестного происхождения и стала в нём валяться. За считанные секунды от чистоты и красоты не осталось ни-че-го. Еле оторвали собаку от этой гадости, увели домой и опять стали мыть. Спрашивается: зачем это делали в первый раз? Хватило бы второго.

Где-то я читала, что почти все современные породы собак произошли от шакала, и только немногие от волка. А шакалы, как известно, падальщики. Видимо, стремление подьедать всё, что можно, у наших собак в крови. Мимиша не была исключением: она постоянно что-то подьедала. Нравится мне это слово: оно смешное и точное. Можно ведь сказать «ела» или «подбирала», но «подьедала» лучше. Выйдешь из подъезда, а Мимиша уже летит во весь опор к какой-то едва видимой нам точке и начинает нюхать, грызть, лизать. Идёшь, бежишь, кричишь: «Брось!» Но бабака уже успела...

Пару раз я брала с собой Мимишу в школу, где учила четвероклашек-пятиклашек русскому языку и литературе. На выбор профессии повлияло и то, что мои родители были преподавателями, и то, что мне повезло с учителями. В первой школе города Тобольска, где я

проучилась десять лет (напоминаю: раньше была десятилетка), было много хороших, сильных, строгих педагогов, любивших своё дело; нам так преподавали математику, химию, русский язык, литературу, историю и другие предметы, что сформировали мировоззрение и прочный костяк знаний, который не рассыпался за долгие годы.

Самое трепетное чувство осталось к первой учительнице, Валентине Петровне Селивановой, материнскому терпению которой удивляюсь до сих пор. Помнится, мальчишки в начальной школе как-то стали дразнить меня гориллой. Хм, я вроде бы на неё не сильно походила, но им нравилось выкрикивать это слово, а меня это бесило, и я бегала за дураками всю перемену, уподобляясь и им, и горилле, а кого настигала, того лупила. Одному несчастному даже оторвала рукав школьной курточки, ну не совсем оторвала, а так, наполовину, и он стал кукситься, хныкать, что совсем не было похоже на охотника за гориллами.

Подошла Валентина Петровна, взглянула на меня своими лучистыми глазами и мягко сказала: «Лена, как же теперь Витя пойдёт домой? Возьми его куртку и отнеси своей маме, пусть она зашьёт».

Тут плохо стало мне, потому что я боялась свою маму, точнее, боялась её расстроить. Пришлось взять раскуроченную куртку хлюпавшего Витьки и на полуонемевших ногах пойти домой. Мама действительно была там, я с замиранием сердца кое-как ей рассказала, почему так получилось, и по сжатым маминым губам поняла, что она очень мной недовольна. Но куртка была быстро зашита, и я бегом вернулась в школу.

Помнится, в первом классе в моём дневнике не раз появлялась большая единица за поведение. Что же я, малявка, ставшая первоклассницей в шесть лет (неполных семь), такого страшного делала? Видимо, ещё как-то не до конца осознала, что такое школьная дисциплина, и потому могла, например, во время урока протянуть ногу вправо через проход, чтобы пнуть ею того, кто сидел в среднем ряду. Уверена, что пинаемый заслуживал пинания, но не на уроке же, правда. Валентина Петровна укоризненно качала головой, я спохватывалась, понимая, что мною недовольна моя любимая учительница. А потом красивым почерком она выводила в дневнике красную единицу, в целом тоже красивую, но грозившую мне домашними карами – маминым недовольством, стоянием в углу, ремнём по попе...

Итак,

Моей первой учительнице, Валентине Петровне Селивановой, посвящается

Вот уже осень, кружатся жёлтые листья,

Воздух холодный режет ветра порыв,

Радуют глаз лишь рябины яркие кисти.

Осень волнует меня, едва наступив.

Я вспоминаю себя первоклассницей робкой,

На фотографии старой слёзы из глаз. —

Что же ты, девочка, плачешь так горько? —

Мне очень страшно идти в первый класс...

Страхи прошли удивительно просто и скоро,

Буквы и цифры учить интересно, легко.

Низкий поклон тебе, Валентина Петровна,

За доброту, за терпение, за любовь.

Вот фотография первого «а».

С мягкой улыбкой, как Мона Лиза,

Первая учительница моя

В центре стоит, нас навеки сблизив.

Занятия в девятой школе, где я сама стала преподавать, шли шесть дней в неделю, а в воскресенье, когда уроков не было, мы приходили с ребятами, чтобы нарисовать стенгазету, провести репетицию спектакля «Снежная Королева» или «Первые пионеры Тобольска», подготовиться к викторине или концерту с чаепитием. Кстати, именно в школе мне довелось испытать мгновения удивительного, ни на что не похожего счастья.

Это был первый год работы, когда мои воспитанники учились в четвёртом классе. Классное руководство было в 4«д», а в 4«г» просто уроки, но для спектакля «Снежная Королева» понадобилось много народу, так что в нём участвовали ребята из обоих классов. Репетиции шли несколько месяцев. Ученики, получившие роли, оставались после уроков. Занимались мы во вторую смену, так что в школе почти никого уже не было, коридоры свободные, разбойникам можно бегать, прыгать, орать и драться, а снежинкам и вихрям – разучивать свои танцы. Больше всего текста было у Рассказчика, Кая и Герды, так что с ними работы хватало. Симпатичный славный Кай стеснялся проявлять хоть какую-то нежность, лицо у него было смущённое, движения замороженные. Немногим от него отличался и меланхоличный Рассказчик, зато Герда была артистична от природы, вовсю кокетничала и жеманничала.

Спасибо мамам снежинок и вихрей: они сшили для своих детей костюмы. Это, правда, громко сказано, потому что для имитации ветра понадобились только тонкие длинные полоски ткани, пришитые к трико и водолазкам, зато у снежинок костюмы были попышнее. Репетиции приближались к решающей стадии, в вестибюле на доске объявлений я повесила плакат – приглашение на спектакль. Школа в преддверии зимних каникул жаждала зрелищ и ждала представления, а мы трепетали. Это был и какой-то иррациональный ужас, и вполне конкретный страх опозориться, забыть текст, перепутать слова и движения и тому подобное.

В общем, когда наступил час икс, когда актёрский зал наполнился зрителями, а все участники столпились за кулисами, мне стало плохо: боже, во что я ввязалась? Под ложечкой противно засосало, как когда-то перед выступлениями нашего танцевального ансамбля. Но делать нечего, машина была пушена. Занавес ещё был закрыт, а слева на сцену уже вышел Рассказчик во всём чёрном, даже в чёрной накидке, имитирующей плащ, и в самодельном чёрном цилиндре. Это был высокий стройный мальчик с лицом Пьеро. Он начал рассказ о двух детях, живших по соседству... Потом занавес раскрылся, появились Кай и Герда, они вели диалог, а я, стоя за левой кулисой, шёпотом проговаривала каждое слово и остро переживала фальшь в интонациях Кая и деревянность его движений.

Вот выбежали разбойники, замахали саблями, заголосили, забегали – это вызвало в зале оживление. Перед танцами снежинок и вихрей я включила проигрыватель с красивой медленной музыкой, кажется, какой-то «космической» композицией группы «Pink Floyd». На волнах этих гармонических звуков девочки из 4«г» плавно кружились и махали руками, что смотрелось очень неплохо. Вот, наконец, финальная сцена воссоединения Кая и Герды, поклоны, аплодисменты.

Когда я поняла, что спектакль не провалился, что мы чудом благополучно дошли до его конца (это было за пару секунд до аплодисментов), то испытала нечто невероятное: вдруг перестала чувствовать свои ноги, на которых стояла, своё тело, стала невесомой, мне показалось, что я отрываюсь от земли и парю над ней, над всем этим действием, кулисами, залом, детьми... Разум у меня пусть не сильный, но аналитический, и почти каждую минуту своей жизни я осмысливаю, переживаю, постоянно вспоминаю то, что случилось, анализирую. Прямо как рефлектирующий герой русской классической литературы. И тогда, в эти мгновения невесомости, я сначала изумилась, мысленно спросила себя (что это со мной?), а потом вдруг поняла: это счастье.

Такого, именно такого, со мной больше не происходило, хотя были ощущения полёта во сне, потери границ своего тела, растворения в мире на пике любви, возвышенной приподнятости и гордости при победах духа. Но божественное чувство восторга от парения над землёй я испытала только в канун тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в актовом зале средней школы № 9 города Тобольска.

Каждый месяц у нас было какое-нибудь мероприятие, порой с участием родителей. Мне нравилось работать в школе, детей своих (это про учеников) я любила, они ко мне тоже тепло относились. Это тепло распространялось и на мою Мимишу: собака детям явно нравилась. И когда красавица наша родила трёх щенков – о, боже мой, боже мой! – абсолютно разных и по окрасу, и по габаритам, и по форме мордуленции, то за ними выстроилась очередь из желающих усыновить.

Со щенками Мимиши связана одна анекдотическая история. Мой брат в детстве был большим выдумщиком, любил сочинять всякую всячину. Совсем маленький, он насмешил нас тем, что, получив от мамы витаминки на себя и сестёр, тут же вернулся и сказал: «А они не хотят» – и положил витаминки себе в рот. Став постарше, шутил масштабнее.

Мама в то время была куратором какой-то группы на физмате, активно помогала студентам с устройством в общежитие, стипендией и другими важными вещами, а те часто заглядывали к нам домой, чтобы поговорить с ней о своих проблемах. Как-то дома был только брат-подросток, пришла очередная студентка, осталась ждать маму. Братец напоил её чаем и стал разговоры разговаривать. Речь зашла о Мимише. Студентка спросила, есть ли у собаки щенки. «Были, – отвечивал коварный мальчишка, – Мимиша постоянно их рождает, а мама (только вы меня не выдавайте) продаёт их в корейский ресторан в Менделеево». Девушка была так шокирована, что не могла вымолвить ни слова. Как? Уважаемый преподаватель, наш любимый куратор, и вдруг такое?... Она засобиралась и ушла.

Пришла мама, и наш хитрец приступил к исполнению второй части своей каверзы. «Мама, – вкрадчиво начал он, – я тебе что-то хочу рассказать, только ты пообещай, что не выдашь меня и не будешь ругать». Заинтригованная мама, ещё не представлявшая, на что способен её любимый сын, немного поколебавшись, пообещала...

Надо ли вам объяснять, что потом испытала бедная мама и какими глазами на неё смотрела та самая студентка? Они обе были связаны словом, которое дали моему братцу. Не знаю точно, что испытывал он: праздновал ли победу, злорадствовал ли, усмехался ли про себя или, может, чувствовал хотя бы лёгкое раскаяние? Но если бы его взросление проходило только под знаком обмана и авантюры, он не стал бы тем отзывчивым, великодушным человеком, каким я его знаю теперь.

Творческое начало брату было присуще всегда, проявлялось оно и в речи. В нежном возрасте, может быть ещё дошкольном, он любил повторять за взрослыми разные слова и выражения, что порой напоминало «испорченный телефон». Как-то мы с мамой разговаривали на кухне, а братишка вертелся у нас под ногами, стараясь быстро повторять каждую реплику. Это было смешно, конечно, но мешало нам общаться.

Я не выдержала:

– Ты попугай!

Мама усмехнулась:

– Что крестьяне, то и обезьяне.

Брат попытался повторить:

– Что крестьяне, то и попугай!

Вы бы слышали, как звонко смеялась наша мама... Я тоже умирала со смеху. Мы от души повеселились и, конечно, простили нашего «Попугая Обезьяновича».

Изобретательность у него сквозила во всём, даже в том, как он ел: просил, чтобы мама разложила ему еду на блюде, как в ресторане, – красиво, все гарниры и закуски отдельно, даже если это всего лишь гречневая каша и жареный лук. И вот как-то мы с мамой созерцали, как важно, с чувством собственного достоинства наш прирождённый эстет вкушает пищу, и в очередной раз удивлялись (графьёв-то у нас в роду вроде как не было):

– Да, ты любитель поесть.

– Гурма-ан...

На что «граф» ответил:

– Да, я любитель гурманов.

Такие воспоминания становятся семейными легендами, даже если всё это было на самом деле. Я жалею, что запомнила слишком мало из того, что придумывал брат. Когда он говорил, казалось: вот уж это я запомню навсегда, но забывалось обычно уже в тот же день.

А как было всё запомнить, если жизнь с самого детства была насыщенной, наполненной делами, играми, заботами, проблемами, чтением, общением? Учась в пятом-шестом классах, я была председателем совета отряда. Всех обязанностей не помню, какие-нибудь политинформации, помощь отстающим, организация сбора металлолома и макулатуры и прочее. Всё это было несложно, а вот смотры строя и песни... Я тогда становилась командиром отряда, шла впереди, под мои команды (всегда боялась, что голос сорвётся или будет постыдно жалким и тоненьким, поэтому усиливала резкость и чёткость) отряд выполнял повороты, шагал на месте и шёл под знаком «левой! левой! раз, два, три!», произносил речовки и пел песни. Кажется, мы пели «Гренаду».

А эти прекрасные в своей откровенности и бесхитростности речовки! Интересно, кто их выдумывал?

Раз-два, Ленин с нами,

Три-четыре, Ленин жив!

Выше ленинское знамя,

Пионерский коллектив!

Смена – смене

навстречу – идёт.

Смена – смене

победу – несёт.

Красный галстук не напрасно

носишь на груди.

Помни Ленина заветы

И вперёд иди!

(Тирешечками я выделила паузы, уж извините за вольность.)

В общем, первых мест по городу мы не занимали, но второе как-то отхватили, чему были очень рады. Первое место всегда было у отряда из какой-то другой школы, выступления его было интересно смотреть: они отличались сложными многоступенчатыми перестроениями. Их явно готовил компетентный взрослый, а мы варились в собственном соку.

Ещё я пыталась петь в школьном хоре. Но это моя бабушка Аня была певуньей, моя мама певунья, а я не то чтобы совсем безголосая, но мне медведь на ухо всё-таки малость наступил, так что слух у меня неидеальный, прямо скажем. И вот я попробовала петь... Почему-то нормальный голос исчезал, а вместо него слышалось то бляение, то подвывание. Нет, хор не для меня, причём это решила не только я, но и руководитель хора.

Мама пыталась всё-таки дать мне музыкальное образование, повела в музыкальную школу на прослушивание – меня забраковали. Как хорошо, а то пришлось бы мучиться семь лет с сольфеджио и прочими бяками. Моя подруга, правда, окончила музыкальную школу по классу фортепиано, но всё время страдала: как тяжело, как много задают, какие коротенькие у неё пальчики – трудно брать аккорды в «Хорошо темперированном клавире» Баха. А музыка была такая красивая, завораживающая... Я несколько раз сидела рядом с Надюшей, когда она разучивала «Клавир». Через несколько секунд после начала её игры сверху раздавался стук – это соседка по прозвищу Гутька выражала своё недовольство музыкой.

Да, звукоизоляция – большая проблема в среднестатистическом российском доме. Где бы я ни жила, везде было хорошо слышно соседей сверху, снизу, слева, справа. Исключением стало аспирантское общежитие, где были толстые кирпичные или каменные стены; как нам кто-то говорил, это бывшие конюшни. Если так, то для лошадей в дореволюционное время строили лучше, чем для людей сейчас. Хотя какие лошади могли бы взобраться по лестнице на третий этаж? Ерунда какая-то. Скорее, это был воспитательный дом или дом для прислуги.

Эта самая Гутька (Августа, что ли?) преследовала мою подругу годами, даже когда та уже окончила музыкальную школу и перестала терзать пианино. Жила она с престарелой матерью – вылитой ведьмой, и обе были малость чокнутыми. Они постоянно что-то сыпали или лили на балкон соседям снизу, то есть семье моей подруги, подбрасывали им какие-то «колдовские» артефакты. Когда терпение отца Надежды иссякло, он поднялся на этаж Гутьки, долго колотил в дверь и кричал что-то, наверное, с использованием экспрессивной русской фразеологии. Это возымело действие: на балкон больше ничего не падало.

Но однажды подруга была потрясена: её для разговора вызвал декан. Оказывается, Гутька узнала, где учиться Надежда, пришла в подгорный корпус института, где располагалось историко-английское отделение, пала в ноги декану, прямо на пол, и слёзно молила что-нибудь сделать, потому что ей жить не даёт проклятая девица... Надюша так растерялась, что сначала даже не знала, что сказать: настолько нелепо и неожиданно прозвучали эти слова. Слава богу, декан у них был не то что вменяемый – просто мировой дядька с прекрасным чувством юмора, он посочувствовал своей студентке, но всё-таки посоветовал быть осторожнее: кто знает, что ещё на уме у полубезумной женщины?

Вот куда меня завели воспоминания. А ведь мне хотелось ещё написать несколько слов о том, как я четыре года занималась в танцевальном кружке, гордо именовавшемся хореографической студией. Это я всё пытаюсь доказать, каким занятым человеком была в детские и отроческие годы. Занятия в кружке были, кажется, два раза в неделю; перед выступлениями мы занимались чаще. Руководила студией дама, которая позже вела у нас историю. О, это особый персонаж. Скорее всего, дама когда-то подвизалась на ниве балетного искусства, видимо, в массовке бегала. Росточек у неё был детский, зато выправка военная, даже больше – она была пряма, как палка, и так же худа. Ходила годами в коротком чёрном или тёмно-коричневом платье, нет, не ходила – ступала, шествовала. Она была так необычна, так суха, что казалась нам куклой. Честное слово, мы, старшекласники, её побаивались. Когда дама стала вести у нас историю в десятом классе, каждый был намного выше её ростом, но мы трепетали, когда она входила в класс. Более того, шутник Женька – спортсмен двухметрового роста – выглядывал постоянно в коридор и наконец приглушённо вскрикивал: «Змей идёт!» Мы вставали по стойке «смирно». Неслышно заходил змей, оглядывал класс немигающими глазами, – это были тягостные секунды – разрешал сесть. Все тихо сидели, пряча лица. Никому не хотелось идти отвечать.

Да, я же знаю даму в другой роли – там она была куда эмоциональнее. Когда балеруны вела занятия танцевального кружка, она оживлялась, вдохновенно кричала на нас и била линейкой по ногам, если мы недостаточно сильно их тянули. Мне такие методы совсем не по душе, хотя танцевать понравилось: я вдруг ощутила возможности своего тела, как будто наконец поняла, что у меня есть ноги, которые могут выполнять нужные па, есть руки, которые могут делать разные движения, есть корпус, который должен поворачиваться туда и сюда, и всё это не валяется где-то по отдельности, а собрано в единый действующий механизм (организм), управляемый разумом и чувствами. Некоторые балетные танцы были особенно приятны: там моим постоянным кавалером был славный мальчик Федя, простой, наивный, добрый. Я не была в него влюблена, просто на фоне остальных мальчишек он казался ангелом.

Но почему-то потом пошёл уклон в народные танцы, точнее, в эстрадные псевдонародные. Помнится, мы с успехом исполняли на сцене городского деревянного театра (он потом сгорел по неизвестной причине) танец «Пряники». Задействованы были только девочки. Первой, как самая маленькая, выходила я, высоко поднимая ноги, прочерчивая прямую линию от одной кулисы до другой. За мной выходила девочка ростом чуть выше, и так далее, пока нас не становилось двенадцать. Другие движения мне не запомнились, только начало танца.

Перед выступлением приходилось долго торчать в театре в служебных помещениях: мы заранее приходили туда, переодевались, готовились, ждали, когда придёт наш черёд. Иногда ожидание затягивалось, потому что программу концерта художественной самодеятельности могли изменить. Помню, как я в костюме, в подобии балетной пачки, смотрелась в старинное зеркало на театральных задворках и чувствовала, как у меня от страха всё сжимается в животе, ноет, тянет, падает и снова идёт волной вверх. Возникало ощущение, что ты утратил себя, всё забыл, ничего не сможешь сделать, – не люблю бояться из-за беспомощности, на которую обрекает вот такой противный липкий страх. Есть страх-задор, страх-вспышка – сгусток энергии, порыв к действию – это помогает справиться с чем-то трудным.

Ну вот, отзанималась я четыре года в танцевальном кружке, и что от него осталось? Я по-прежнему сутулюсь, хотя иногда вспоминаю о своём недостатке и стараюсь выпрямиться, лёгким танцевальным шагом могу ходить только будучи в хорошем, даже игривом, настроении. Никаких танцев не помню, вальсу нас то ли не обучали, то ли тело не запомнило движений, так что не вальсирую. Единственное – на танцполе чувствую себя раскрепощённо, не боюсь никаких движений, смело раскидываю руки-ноги в стороны, что, наверное, удивляет и смешит наблюдателей. Зато мне доставляет удовольствие окунуться в мир музыки и свободного движения.

Однако повествование моё, как я погляжу, страдает, по крайней мере, одним недостатком: оно похоже на лоскутное одеяло. Глава называется «Баллада о Мимише». Где Мимиша? Где баллада? Где, я вас спрашиваю?

О чём, бишь, я ещё хотела сказать?

В школе я проработала всего два года. В то благословенное советское время нужно было после окончания вуза обязательно отработать три года, но у меня по-другому сложилось. Хотя в школе было интересно, я чувствовала, что этого мало, хотелось чего-то иного. И когда мой бывший руководитель дипломной работы, ставший ректором в Нижневарттовском пединституте, случайно встретившись со мной, предложил поработать у него на кафедре, я обрадовалась и согласилась. Ему пришлось долго уговаривать директора школы, чтобы тот меня отпустил: директору не хотелось терять инициативную учительницу, полную сил и задумок. Потом перевод в вуз согласовывали с заведующим горно, я была у него на приёме и обещала, что буду заниматься наукой. По его лицу было видно, как он сожалеет о том, что у него нет такой возможности. Хм.

Я переехала в Нижневарттовск и стала работать там ассистентом кафедры русского языка, вести практикум по орфографии и пунктуации, практические занятия по введению в языкознание. Далось это решение непросто: мне было стыдно перед своими учениками, потому что я их бросила. Даже объяснить не смогла, ведь всё произошло летом, когда у ребят были каникулы. Правда, некоторые из них от моей мамы потом узнали адрес служебной квартиры, которую мы делили вдвоём с исследовательницей сибирских народных говоров, и писали мне трогательные письма. Читая их, я плакала и отвечала, испытывая жгучую вину, переживая такую драму, что её отголоски слышны в моей душе до сих пор.

Была я там одна, без родных, без своей Мимиши. Новая жизнь мало-помалу захватила меня, со студентами было интересно работать, потому что приходилось всё время учиться самой, пополнять пробелы в знаниях. Но от взрослых учеников не было такой эмоциональной реакции, как от детей, и порой меня это как-то раздражало. И здесь хотелось большего. Потому предложение поступить в аспирантуру пришлось как нельзя кстати: я могла расти дальше, заниматься исследованиями, могла уехать так далеко, чтобы окунуться в совершенно новую жизнь.

У меня было два или три месяца на подготовку к экзаменам, я вернулась в Тобольск, усердно читала научную литературу, делала выписки, сердце моё трепетало от страха, что не поступлю. И моим отдохновением была Мимиша. Общение с ней и дома, и на улице – вот простой способ на время уйти от проблем, от терзаний и метаний. Кто знал, что это были последние дни нашего с ней общения?

Как же произошло, что наша любимица прожила так мало? Меня не было в Тобольске, я в это время уже училась в ленинградской аспирантуре. Когда в очередной раз позвонила домой, то услышала печальное известие: Мимиша сильно болеет, брат возит её на уколы в ветеринарную лечебницу. У неё чумка, и надежд на выздоровление мало. А в другой раз узнала, что собаки больше нет.

Звонить тогда часто не получалось. Была зима 1990–1991 года, от аспирантского общежития на Мойке нужно было идти к Дворцовой площади. Немного не доходя до Триумфальной арки, я заходила в здание городской междугородной телефонной станции. Телеграммы отправляла пару раз всего, а вот очереди в кабинки переговорного пункта были мне хорошо знакомы. Кабин этих было около десяти, кажется, если не больше, и от каждой из них вился длинный хвост из желающих позвонить в другой город. Не могу точно сказать, что я опускала в щель телефонного автомата на стене – монеты или жетоны; помню только, что меняла деньги на эти воделенные кругляшки, считала и пересчитывала их, ведь от них зависело, сколько минут или секунд я смогу проговорить со своими близкими – с мамой прежде всего.

И новости, которые я узнавала по телефону, не всегда были радостными. В тот раз мама упавшим голосом сказала, что если я на днях приеду, то Мимишу не будут пока хоронить, подождут меня. Так совпало, что у нас начались зимние каникулы, и я вскоре приехала домой.

Была холодная зима, тело Мимиши лежало на балконе уже несколько дней. Её не хоронили, чтобы я могла проститься с нашей девочкой. Тельце её было почти невесомым – так она исхудала. Только кудрявая шерсть придавала видимость массы. Похоронили собаку на даче, в том углу, где ничего не сажали. Её могилка там до сих пор.

Брат убивался по Мимише, рыдал, что было совсем не похоже на него. Он рос без отца и хотел казаться грубее, чем есть, всё прибивался к каким-то мальчишеским стайкам, которые то стреляли из рогаток по воробьям, то ходили на помойки бить палками крыс, то с азартом дрались. Привязанность к кудрявой белой девочке выдавала его нежную душу. Мама даже предложила ему завести другую собаку, но он отказался, сказав, что не сможет больше никого так сильно любить.

Глава вторая. Франтик

Мы не коты, коты не мы.

Теперь вспоминается мне не молодость, а детство: город Тобольск, улица Новая, что в подгорной части, деревянный дом дедушки Гоши и бабушки Наташи. Жила я в этом доме с рождения до семи лет, пока родители не переехали в общежитие пединститута. Но об этом после.

Дедушка, как я потом узнала, работал на электростанции, пока не вышел на пенсию, бабушка, кажется, была домохозяйкой. Всего у них выросло трое детей: старшая дочь Людмила, потом сын Геннадий (мой папа) и младшая дочь Алевтина. Моё детство прошло среди этих родных людей, только тётя Люда жила где-то далеко.

Дедушка был главой семейства, строгим, сдержанным, любившим порядок. Взрослые наверняка его и с других сторон знали, но я их не замечала или не понимала. Для меня дедушка был авторитетным человеком, я его уважала и побаивалась. Как-то за столом сидела вся наша большая семья из шести человек, и я, забывшись, потянулась первая к какому-то блюду... Дедушка взял большую ложку и треснул меня по лбу – я отдёрнула руку. Взрослые рассмеялись, а мне было не столько больно, сколько обидно, и обидно-то не потому, что дедушка напомнил мне о старшинстве, а потому, что другим стало весело. В общем, сидела, моргала, хорошо, что не заплакала.

Не помню, чем мы питались обычно, каждый день, наверное, супами да кашами, запомнила лишь момент, когда удивилась необыкновенно вкусному мясному пирожку, предварительно окунув его в железную кружку с мясным же бульоном, как посоветовал кто-то из взрослых. М-м-м... Мне кажется, вкуснее ничего не едала.

На кухне стояла белая русская печь, это было царство бабушки Наташи с чугунками, крышками, ухватами, заслонками. До моего рождения, кроме кроликов и кур, держали ещё поросёнка Борьку, которого нужно было каждый день вволю кормить. Обычное поросёнье блюдо представляло собой распаренные овощные очистки, которые съедались хрюшей за милую душу. Сын Гена, который был студентом физмата, как-то вернулся домой поздно; все уже легли спать, в доме было темно, и он не стал включать свет на кухне, а впотьмах нашарил на печке тёплый чугунок и стал оттуда есть. Утром бабушка Наташа спросила его: «А что же ты ел-то, сынок?» – «Да какой-то невкусный суп на печке». – «Так это же пойло для Борьки!» Немая сцена. Ничего, не отравился.

Хорошо быть коровушкой-матушкой, телушкой-ревушкой, бычком-бодачком! Хорошо быть свинкой-копилкой, барашком-кудряшком, курочкой-несушкой, крольчихой-хлопотушкой! Их и накормят, их и напоят, подстилку поменяют, сенца подбросят, опилок положат, по холке потреплют, ласково покличут: Бурё-ёнушка, Беля-янка, Зо-орька, Борь-борь-борька!

Дедушка держал кроликов. У деревянного дома были какие-то пристройки, сарайки. Были и клетки для кролей, поставленные одна на другую так, что получилась многоэтажка. Интересно было наблюдать за тем, как большие и маленькие кролики, в основном серые и белые, непрерывно грызли что-то своими крепкими зубами. Иногда мне давали морковку, и я скармливала её зверюгам, только успевай пальцы отдёргивать!

По двору ходили куры, тогда они меня мало интересовали, но вот петух... Он избрал меня своей жертвой, поджидал у крыльца, взлетал, нападал, клевал. Я кричала, махала руками, редела. Отец терпел-терпел, петуха гонял-гонял, тот всё упорствовал; тогда из него сварили суп. Когда я об этом узнала, то сначала удивилась, а потом пожалела Петю, стала думать о нём по-другому: он же хозяином двора был, повелителем кур, вот и держал фасон. Мне бы с ним подружиться, поладить, а его уже нет.

А в большой комнате, в «зале», как-то появился телевизор. Мне было лет пять или шесть, я не понимала ещё, что это такое, и во все глаза глядела на новую странную вещь: на комод поставили ящик какой-то, вдруг появилось изображение – полосы, фигуры, символы (настроечная сетка телевизионной страницы), потом два человека, женщина и мужчина, которые сидели рядом и что-то говорили официальными голосами. Это были первые новости в моей жизни. Мы все стояли и смотрели на экран, поражённые и гордые. Включали телевизор сначала редко, как что-то праздничное, потом он уже стал обыденностью. Но были вещи и более занятные, чем таинственный ящик.

На стене в большой комнате почти под потолком висело чучело белки. Я думала, что её подстрелил дедушка, у него и ружьё было, но тётя Аля сказала, что дедушка только в молодости охотился, а потом лишь рыбачил, так что, кто белку принёс, неизвестно. Потом убиенную отдали местному таксидермисту, и он сделал из неё чучело. Хорошо сделал: выглядела белочка живой, даже глазки-пуговки блестели, как настоящие.

Я похвасталась каким-то знакомым девочкам, что у нас есть такая красота, и они стали меня уговаривать вынести чучело и показать им. Ой, как страшно было, ведь дедушка запретил трогать белку, но идти на попятную как-то неловко, я же уже почти пообещала. С замирающим сердечком зашла в пустой дом, придвинула стул к стене, сняла чучело с гвоздя, оно на деревяшке было, имитирующей ветку, и вынесла за ворота. Девочкам белка очень понравилась, они стали её трогать, гладить (ой, какие ушки, какие глазки!), а у меня одна мысль – скорее унести, повесить на место, пока дедушка не увидел. Схватила белку и назад. Повесить-то повесила, но, видимо, как-то не так, криво. Вскоре пришёл дедушка, а я глаза свои виноватые прячу от него, но он быстро догадался, строго спросил с меня, отругал, даже прибить, по-моему, хотел, но передумал. Вот я натерпелась страху из-за этой белки!..

А бабушка была моей защитницей – даже от родителей! Бывало, они поставят меня в угол за какую-нибудь провинность (даже не знаю, чем я могла так сильно провиниться в столь нежном возрасте...), стою я у печки лицом к стене, обида придаёт силы, поэтому ни за что не прошу прощения, хотя знаю, что именно этого от меня ждёт мама (или папа), стою, стою... Наверное, час стою, и два стою, и день стою, и вечер стою... Стойкая такая девочка. А ноги уже болят, сесть-лечь хочется, прямо упала бы тут же, но нельзя, я же гордая, меня же напрасно обидели. И тут вдруг спасение – бабушка! Она подходит, кладёт мне на плечи свои руки, говорит что-то вроде: совсем замучили ребёнка проклятые ироды, разве можно так, сколько ей ещё в углу стоять, самих надо в угол ставить за такие дела, выходи, внученька дорогая, отдохни, покушай. Ну, или не так говорит, но смысл тот же. И я выхожу! Я поворачиваюсь спиной к проклятой стене, навстречу свету, свободе, еде, игрушкам. Ура! Спасибо тебе, милая бабушка! Моя любимая баба Наташа.

Родился Франтик на заре моего детства, его маму, кажется, звали Мусей. Тётя Аля, узнав, что я пишу мумуары, то есть мяумуары, поделилась со мной старой фотографией, где мне примерно год и я пытаюсь зажевать ухо Мусеньки. Насколько могу догадываться, приплод бело-серая красавица приносила регулярно. Смутно помню, что вместо кукол у меня были котята, которых я пеленала и с которыми играла. Прошу понять меня правильно: игрушек в доме почти не было, играть хотелось, я была маленькой девочкой, которой никто, наверное, не объяснял, что котятами не играют. А если и объяснял, то это как-то не отложилось. Сейчас мне очень хочется верить, что никто из моих живых игрушек не пострадал, но разум подсказывает, что это не так. Почему тогда остался только Франтик?

Может, правда, других котят раздали. Ну, можно же такое предположить, как вы думаете? Вообще-то новорождённых котят тогда обычно топили. Я, слава богу, экзекуции такой не видела, но слышала о ней от взрослых. Традиция эта кое-где сохранилась до сих пор. Точно знаю, так как наши бывшие соседи в Подмосковье сами рассказывали об этом как о чём-то совершенно обычном.

Память наша избирательна, а уж из детства мы помним, как мне кажется, только что-то яркое, удивительное, то, что выделилось из общего течения жизни и осозналось как событие.

Например, я каждый день выходила из дедушкиного дома, спускалась по крыльцу во внутренний дворик, где была клумба. На ней бабушка всё время сажала цветы с длинными тонкими лепестками. Не знаю, как они называются, иногда встречаю их на городских клумбах. Чем они мне нравились в детстве, так это тем, что лепестки, послунявив их с обратной стороны, можно было «приклеить» на ногти. Это был первый маникюр, и какой! Ногти длинные, яркие, самых разных цветов: и белые, и красные, и фиолетовые, и розовые. Правда, красота эта держалась пару минут, потом лепестки слетали. Но можно было прислунявить новые и опять любоваться своей рукой. Вот это я запомнила. Смешно, правда?

Конечно, в этом дворике я во что-то играла. Бог его знает, во что и чем, но дети изобретательны и всему, что видят, могут найти применение: и камням, и листьям, и веткам, и тряпке, и дырявому ведру. Игры эти из-за своей обычности не отложились в моём сознании, но был один

особый момент. Я что-то говорила, ходила, водила рукой по земле, вдруг услышала голос отца. Его никогда не интересовали мои игры, но тут он вмешался. За моей спиной раздался громкий и удивлённо-грозный голос: «Ты что, дедушку хоронишь?!» И тут только до меня дошло, что я действительно что-то такое бормочу про дедушку. Отчего, бог ведает. Наверное, повторяла слова, услышанные от взрослых в иной ситуации. А может, раньше была свидетельницей того, как в землю закопали котёнка. Эта часть моего прошлого настолько туманна, что всё пропадает в неясных, расплывающихся очертаниях, домыслах, догадках. А машины времени нет.

Ну вот, от потомства Мусеньки остался один Франтик.

Котёнком я его не запомнила, но когда он подросток, то стал моим любимцем, товарищем во всех смыслах, даже в первоначальном, от слова «товар». Правда, мы с ним купцами не были, торговать не торговали, но, если можно так сказать, товаровали. По звучанию похоже на «воровали», ан нет, мы были не воришками, мы были компаньонами, борцами за свободу еды.

Например, мне разрешали иногда сделать себе бутерброд и съесть его не на кухне, а где-нибудь в комнате. Бутерброд самый простой – белый хлеб с маслом. Я мазала хлеб, выносила кусочек из кухни, пряталась в свой уголок, и тут же всевидящий Франтик подбегал ко мне откуда-то, слизывал масло своим шершавым язычком, а я съедала хлеб. Мы оба были очень довольны. Так продолжалось довольно долго, пока кто-то из взрослых не заметил этого безобразия и не запретил раз и навсегда есть вне кухни. Я сильно переживала, ведь Франтик лишился масла. Кто ещё ему даст такой дорогой товар, такой ценный продукт? Никто.

Ещё Франтик любил конфеты. Вы, наверное, подумали сейчас о шоколадных конфетах? Нет, я сама их в раннем детстве редко видела и ещё реже ела. Были такие маленькие жёлтенькие твёрдые сладкие шарики, похожие на витаминки. Их с усилием приходилось разгрызать. Кисло-сладкие, не очень вкусные – сейчас бы на такие никто не позарился. Однако за неимением лучшего я радостно грызла эти конфетки и время от времени кидала на пол – кот тут же бросался на них, ловил, как мышат, и глотал. Мне казалось, что он даже причмокивает от удовольствия.

А шоколадные конфеты были такой редкостью в обычном детском рационе, что даже фантики от них становились предметом коллекционирования. У каждой моей знакомой девочки была целая стопка конфетных обёрток – красивых, блестящих, разноцветных. Я тоже насобирала штук пятнадцать, причём половину из этих конфет точно не пробовала, просто мы обменивались фантиками, иногда дарили друг другу, вот и получилась «коллекция». Время от времени я перебирала это «богатство», некоторые обёртки мне особенно нравились. Куда они делись, не знаю. Видимо, через какое-то время мода на фантики прошла, и я их отдала кому-то или выбросила.

Интересно, Франтик стал бы есть шоколадную конфету или нет? Вот наша Мимиша очень любила шоколад, но она была собакой, а у собак, наверное, совсем другие вкусы, чем у кошек.

Расскажу про один случай с Мимишей. Было это в конце 80-х. Помните, я говорила про её любовь к шоколаду? Надо сказать, Мимиша любила молочный шоколад, а я всегда предпочитала горький, чёрный.

Так вот, пришла мама с работы и принесла в своей дамской сумочке несколько шоколадных батончиков. Сумочка была застёгнута на молнию и лежала на кровати. Никто из нас, детей, не посмел её открыть: мы никогда не лезли без спросу в мамины вещи. Но про батон-

чки помнили и ждали, когда их можно будет поделить. Мама куда-то ушла. Сумка лежала на кровати, дверь в комнату была закрыта. Вот мама вернулась, и вскоре мы услышали её возглас. Прибежали посмотреть – сумка наполовину раскрыта, все батончики в растерзанном состоянии лежат на кровати, перемазанной шоколадом... Это Мимишечка учуяла соблазнительный запах, которому не смогла противостоять, тихо открыла дверь, прыгнула на кровать, расстегнула на сумке молнию, вытащила батончики, часть съела вместе с бумажной обёрткой, часть просто пожевала. А шо не зым, то понадкусаю...

Мы так смеялись... На наш хохот прибежала виновница торжества, стала прыгать, вилять хвостом, радостно посверкивая своими чёрными глазками, улыбаясь шоколадной мордочкой. Ах ты, Мимиша-Мимиша, маленькая вориша.

Она любила, как человек, лежать на кровати головой на подушке и под одеялом. То ли просто нам подражала, то ли ей действительно было так удобно. Вы замечали, что животные постепенно перенимают некоторые привычки хозяев, очеловечиваются, что ли?

Но я хотела рассказать о Франтике. Сейчас, например, целая индустрия кошачьих кормов, а раньше о них и не слыхали. Сварит бабушка Наташа суп – вся семья ест, и Франтик ест, сварит кашу – и кот будет лопать кашу, а уж рыбу, и варёную, и сырую, только дайте, благо тогда Иртыш не был загажен, рыба в нём водилась всякая и в большом количестве, почти все рыбачили. А если что, если не хочется человеческой еды, есть большой огород, а там и мышки, и птички – лови не хочу.

Кухня была притягательным местом не только для Франтика, я тоже захаживала туда в течение дня, стараясь, чтобы меня никто не увидел. Что я тихо таскала? Вот угадайте. Думаете, плюшки какие-нибудь или конфеты? Нет, я даже не знала, есть ли такое богатство в доме. Может, хлеб? Он, конечно, вкусный, особенно корочка. Но мне это и в голову не приходило, я не голодала, и продукты на столе не валялись.

Я воровала соль. Не знаю, что такое было с моим организмом, но в какой-то момент почувствовала, что соль – это очень вкусно. Солонка всегда стояла на кухонном столе, и я щепотками таскала оттуда соль, клала в рот, быстренько уходила и где-нибудь в другой комнате с наслаждением рассасывала крупинки, которые становились ещё вкуснее потому, что были моей тайной, и так несколько раз в день. Конечно, взрослые меня поймали и отругали. Им не соли было жалко, а меня: они испугались за моё здоровье. Как-то потом это увлечение само собой прошло. Наелась, видимо.

Не у меня одной были странные вкусовые пристрастия. Моя тётя Аля, например, в один из периодов своей жизни ела мел. У неё был целый чемодан белого-белого мела, и она его украдкой грызла, млея от удовольствия. Правда, тогда она была в интересном положении, а женщины в этом положении обычно что-нибудь вытворяют этакое. Сама знаю.

Я относилась к Франтику не совсем как к коту. Конечно, знала, что это кот, что он похож на других хвостатых мяукающих созданий, но других я близко не знала, а Франтик ежедневно был рядом, я изучила в нём каждый волосок, каждое пятнышко, но всякий раз он был новым, с иным выражением умной мордочки, с особенными поворотами головы, неожиданными изящными движениями лап, тела.

Знаете ли вы, что такое кошачья грация и пластика? Нет, вы не знаете этого. И я не знаю. Словами не описать – надо видеть. Надо смотреть не отрываясь, удивляться, наслаждаться, осознавать, что вот дал Бог кошкам такой талант быть красивыми при любом движении, в любой позе. Меня это всегда поражало.

Гляжу на старый снимок – Франтик полулежит, опираясь спиной на мой живот. Глаза у него прищурены, кажется, что он слегка улыбается, зная что-то важное про нас, такой хитроумный изящный котофей.левой рукой я держу его левую переднюю лапу, а моя правая рука лежит на правой лапе Франта. Можно подумать, что бедный котик в тисках любви, ему не

вырваться, но он так спокоен, на мордочке столько достоинства, что ясно: ему хорошо. Держи меня дальше, хозяйюшка. Мрр.

За спиной на фотографиях то обои, то гобелен какой-то, то комод, покрытый белой скатертью с вышивкой. Это наверняка большая комната, где я спала. В другом углу на диване было место тёти Али. Впереди слева – комната бабушки с дедушкой, сзади справа – комнатка моих родителей. К самым старшим я, кажется, никогда не заходила, зато в каморке мамы с папой была постоянно. Там стояла какая-то кровать не кровать, тахта не тахта, в общем, лежанка, и почти не оставалось свободного места, но было уютно. Из окна был виден маленький палисадник, в котором росли бабушкины георгины. Я их с детства именно потому и люблю, что они бабушкины. За палисадником была улица. Она и сейчас немногочлюдна, а раньше и подавно. Можно было долго смотреть в окно и не увидеть ни одного человека. Машины и мотоциклы проезжали редко. Было тихо, спокойно, хорошо. Летом мы с девочками играли прямо на дороге, зарывая у обочины всякие клады со стёклышками разных цветов.

А окна в большой комнате выходили в маленький сад. Там росли яблони с мелкими, как ягоды, плодами, их называли ранетками, росли они сами по себе, как хотели, никто их не собирал, только я иногда осенью съедала несколько яблочек, сладких от морозца. Зимой в сад, как в столовую, каждый день прилетали снегири. Они были такими яркими, с розовыми, оранжеватыми или красными грудками, что иногда даже казались ненастоящими, будто сделанными для украшения ёлки. Если сидеть не шевелясь, то птицы не замечали меня, не пугались, долго клевали замёрзшие яблочки, перепархивали с ветки на ветку, даже их посвистывание через стекло было слышно.

Однажды, как ни была увлечена я снегирями, почувствовала боковым зрением движение слева – это Франтик бесшумно сел рядом. И мы оба стали смотреть на птиц за окном. У кота, наверное, был другой взгляд на снегирей – гастрономический или охотничий, трудно сказать, но сидел он неподвижно. Я уже не знала, на кого мне смотреть – на птиц или на Франтика – такой у него чёткий выразительный профиль, благородный нос, длинные белые усы. Пока я была очарована котом, птицы вспорхнули и улетели, только мелькнули в воздухе красные пятнышки. Но я не жалела – знала, что они прилетят завтра. Мы с моим ласковым другом в сером костюме с белой манишкой снова будем смотреть на них из окна, где слева и справа с подоконника свисали бутылки, внутрь которых просунуты верёвочки, чтобы в них стекала вода.

Франт был очень важной частью моей жизни, совершенно незаменимым существом. Я знала, что вечером он придёт ко мне, полежит на моей раскладушке, я буду гладить его, прижиматься к нему лицом, что-то шептать, а он, конечно, всё поймёт и сохранит это в тайне. Что бы ни случилось, даже самое неприятное, один вид кота поднимал мне настроение, я начинала успокаиваться и радоваться.

Есть старая чёрно-белая фотография, где я первоклассница. На ней старшая тётя Люда с печальным и строгим лицом, заплаканная младшая тётя Аля, удручённый сгорбившийся дедушка Гоша, а у меня улыбка до ушей, ведь я держу на коленях Франтика, папа нас фотографирует – такая редкость. Когда моя любимая бабушка Наташа тяжело заболела, меня временно поселили у родственников дедушки, и я не видела похорон, не знала, что бабушка моя умерла. От меня какое-то время скрывали этот факт, чтобы не травмировать. Почему-то мне не хватило чуткости самой понять, что в семье горе. Я радовалась переменам: тётя Люда приехала, привезла гостинцы, какая-то необычная суэта, люди все кажутся другими.

Сейчас смотрю на эту фотографию и испытываю сложные чувства.

Прошло какое-то время, и мои родители решили переехать в общежитие пединститута. Было такое деревянное здание сразу по правую руку при спуске с горы по Никольскому взвозу. Сейчас там ничего нет, какие-то заросли. А в семидесятые годы в этом двухэтажном доме кипела жизнь: в каждой комнате жил преподаватель или другой сотрудник института, а то и целая семья.

Ещё в каждой комнате жили клопы. Это такие страшные твари, что даже рассказывать о них неприятно. Днём клопы были мало заметны, зато ночью они активизировались, что твои вампиры. Если удавалось быстро уснуть, я всё равно просыпалась оттого, что всё тело чесалось. Мама боролась с этим кошмаром всеми доступными ей способами, но клопы всё равно побеждали. Было и такое изощрённое средство: ножки кровати ставились в плоски с кипятком или керосином, чтобы клопы не смогли взобраться снизу. Но через какое-то время они сообразили, что к чему, и стали прыгать на меня с потолка...

И зачем я про них вспомнила? Даже бок что-то зачесался. Под майкой, правда, никого нет, и слава богу. Вот застряли эти клопы в сознании. Когда от них вроде бы совсем избавились, открыла я как-то книжку почитать. Книг у нас всегда много было, целые стеллажи. Раскрыла, значит, страницы – глядь – что-то полупрозрачное, как малюсенький листик, и потихоньку

движется. Я сначала не поняла, спрашиваю у мамы, а она только взглянула, как охнет, скинула эту заразу на пол. Растоптать клопа, который не ел несколько месяцев, невозможно, потому что он абсолютно плоский, как бумага. Можно поджечь или проткнуть. Первый способ надёжнее, зато треску и вони от него... Гадость какая. Главное, дура, на ночь вспомнила, теперь чесаться буду беспрерывно.

В общем, переехали мы в это благословенное общежитие, и я решила забрать с собой Франтика. Спросила разрешения у дедушки, он был не против. Бери, мол, неси, мол. Ну, я взяла кота на руки, пронесла его несколько метров, он вырвался и пошёл обратно. Недоумению моему не было предела. Как так? Мы же друзья, как же это: он там останется, а я в другом месте буду. Нет, ты, Франтик, не понял, нам вместе будет очень хорошо, пойдём со мной, мой котик. Как я ни уговаривала, как ни пыталась его унести, кот не хотел покидать старый дом. Так и остался в нём. Сначала я каждый день приходила навещать Франтика, потом через день, через два. Но про кота не забывала, мне его не хватало в новой жизни.

Однажды пришла, а дедушка говорит: нет Франтика, несколько дней уже нет, не возвращается. Как, почему? Да старый он уже, ушёл умирать. Я не поверила, приходила ещё и ещё, но Франтик не вернулся.

Можете назвать меня бесчувственной сволочью, но потерю кота я переживала сильнее, чем смерть бабушки, а потом дедушки. Когда умерла баба Наташа, я даже не знала об этом, мне что-то сочиняли про неё, и потом не верилось, что бабушки нет, казалось, будто она просто уехала куда-то. Когда умер дед Гоша, я уже понимала, скорбела вместе со всеми, сначала испугалась, потом грустила, однако это не стало чем-то непоправимым, настоящим ударом. Что делать? Люди умирают. Но когда я поняла, что Франтика больше нет, то меня зашатало. Мир стал иным, восприятие изменилось, я не узнавала привычных очертаний. Всё потонуло в горе и слезах, в груди давило, трудно было дышать. Я шла, придавленная этим горем, как горой, еле передвигая ноги.

Я уже знала, что такое смерть. Знала на словах, читала в книгах, столкнулась с ней на похоронах родных людей. Но я не могла применить это понятие к своему Франтику, никогда не думала, что он может умереть. Почему с детства у меня такое отношение к котам? Не знаю. Может быть, потому, что видела в них – сначала только в одном из них – свою душу, своё сердце.

Глава третья. Чернушка и Бальзамин

– *Будь котов!*

– *Всегда котов!*

После Франтика много лет не было у меня никаких котов, пока я не поступила в аспирантуру Герценовского института в Ленинграде. Мы так его в обиходе называли. Официально он именовался ЛГПИ им. А. И. Герцена, потом, после всяких политических метаморфоз, РГПУ им. А. И. Герцена. Три года жила я в Ленинграде-Петербурге, а именно в шестом аспирантском общежитии на территории университетского городка. У него (у общежития) было удачное расположение: выходишь из здания, напротив – пятое общежитие, чуть правее – арка, идёшь вперёд и видишь слева памятник Ушинскому и административный корпус, а справа – выход к реке Мойке. Мне очень нравилась строгая красота набережной, прямые линии, серые оттенки неба, воды и гранита, я любила стоять там и смотреть вниз, на волны, накатывающие на ступени, по которым можно было спуститься прямо в воду, и вдаль, поворачивая голову то направо, к Невскому проспекту, то налево, к Гороховой улице. Если из общежития пойти не вправо, а влево, то там тоже будет арка и выход к Казанскому собору. Очень удобно. Была ещё пара проходов, вдалеке от нашего общежития, до которых мне идти было как-то лень.

Зная несколько выходов с большой территории университетского городка, этим пользовались не только преподаватели и студенты, но и аферисты. Одна из таких драм разыгралась на моих глазах. Мы с Володей выгуливали нашего котёнка Максика рядом с главным входом, где памятник Ушинскому, вдруг со стороны Мойки вбежали два парня и быстро скрылись в арке-проходе между зданиями разных факультетов. Где-то там занимались физики, где-то философы и прочие умные товарищи. Мне такая скорость показалась несколько странной, но мало ли почему люди быстро бегают? Оказалось, моя интуиция верно уловила душок криминала, так как спустя секунд десять, запыхавшись, словно гнались по следу (кого? зайца? волка? волков в овечьей шкуре, вот кого!), появились две женщины средних лет. Увидев нас, внешне таких приличных и внушающих доверие, они остановились и спросили, не видели ли мы двух парней. Мы ответили утвердительно. «Они нас обманули! Подсунули „куклу” вместо денег!» – и женщины побежали в указанном нами направлении. Конечно, мошенников они не догнали.

Но, упомянув Максика, я опережаю события. Он ведь не сразу на свет появился. Этому предшествовали весьма драматические истории.

Поселилась я, значит, в шестом аспирантском общежитии. Правда, это произошло не сразу после поступления. В отделе аспирантуры сказали обратиться к коменданту Эмме Серафимовне, штаб-квартира которой находилась в пятом общежитии.

О, можно мне небольшое лирическое отступление? Оно навеяно редким отчеством коменданта: стало быть, отца Эммы звали Серафимом. Хорошо, что не Херувимом. Впрочем, в ангельской иерархии серафимы на первом месте, значит, всем Серафимам, Серафимовичам и Серафимовнам на роду написано быть начальниками. Девять чинов ангельских с удивительной иронией обыграл в своей комедии «Дело» наш драматург Сухово-Кобылин: в комментарии действующие лица разделены на Начальства (отсылка ко второй ангельской степени – Господствам), Силы (Силы, они и в иерархии Силы), Подчинённости и Ничтожества. Тут одни ремарки уже говорят о таланте автора.

Всё, продолжаю.

Я зашла в пятое общежитие, пообщалась с дочерью Серафима, на хитроватом лице которой был написан нескрываемый меркантильный интерес. Дама была опытная, прошла сквозь огонь и воду, это выдавало потрёпанное немолодое лицо, уверенный, чуть вульгарный голос и манеры барыни, окружённой приживалками. У меня с собой не было никаких подарков, ведь

я не знала, как нужно себя вести с такими людьми. Эмма Серафимовна была весьма любезна, пообещала поселить меня в общежитии, как только там освободится место.

Как я потом поняла, там было свободное место, и не одно, но попасть в общагу, минуя коменданта, было нельзя. А пока я, верящая людям на слово, стала жить у маминой знакомой, Галины Никитичны. Адрес у неё был интересный: улица Бассейная. Помните, у Маршака: «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной»? Потом эту улицу переименовали в Турку. Как она сейчас называется, не знаю. Дом был, по моим меркам, очень высокий, этажей шестнадцать, наверное. Квартира Галины Никитичны была где-то высоко, может быть, выше десятого этажа. Из окон вид открывался замечательный: стрелы улиц, пересекавшие друг друга, высотные дома, островки зелени, автомобильные стоянки, детские площадки, в общем, разные геометрические фигуры на огромном листе района.

Мне там очень нравилось, и хозяйка была гостеприимная, часто угощала своим любимым супом, который в первый раз поверг меня в изумление: очень большая суповая тарелка была наполнена горячей водой, в которой плавало несколько маленьких кусочков капусты. Я честно пыталась выхлебать это озеро, но не смогла. Мне было неловко из-за такой экономии, из-за того, что пенсионерка вынуждена меня кормить из своих скромных средств, из-за того, что не могу изобразить восторг при виде этого супа. Деньги какие-то у меня были, я стала покупать продукты, чтобы можно было нормально питаться нам обеим, а капустный суп ела мини-порциями.

Так прошёл месяц. Я училась, ездила на занятия в разные корпуса Герценовского института и ждала, когда освободится место в общежитии. Терпеливая Галина Никитична уже несколько раз интересовалась этим моментом. Я заходила к коменданту, но получала отрицательный ответ.

Наконец я сообразила обратиться за помощью к отцу. Он когда-то сам учился в аспирантуре ЛГПИ и даже жил в том же общежитии, куда я так рвалась. Из телефона-автомата я позвонила папе. Узнав, как зовут коменданта, он расхохотался: надо же, Эмма Серафимовна всё ещё там? Отец тогда жил в Мурманске и намеревался вскоре приехать в Ленинград по делам, но, чтобы быстрее мне помочь, сказал, что передаст кое-что со своим бывшим студентом, и проинструктировал меня, как разговаривать с комендантом.

Через день-два я встретила с упитанным хитроглазым посланцем, он передал мне увесистый свёрток, от которого вкусно пахло рыбой, и подмигнул: дескать, действуй. Мне, воспитанной мамой на чистых и светлых идеалах человеколюбия и бесребренничества, пришлось слегка переформатироваться, хотя это было неприятно. Я взяла рыбный свёрток, изобразила на лице нечто макиавеллевское и бодро зашла к Эмме Серафимовне. Села напротив, как равная, и сказала вкрадчивым голосом что-то вроде: мой папа, Геннадий Георгиевич, передаёт вам большой привет, он скоро сам будет здесь и обязательно вас навестит, а пока шлёт вам вот этот скромный презент – и протянула остро пахнущий пакет. Эмма Серафимовна оценила сей ход весьма благосклонно, изобразив на лице приятное удивление и даже умиление. «Ах, какая рыбка! – воскликнула она. – Ну конечно, я помню вашего папу, мне очень приятно, что и он тоже помнит меня. Как хорошо, что вы тоже здесь. Да, кстати, появилось место в шестом общежитии, в такой-то комнате. Там живёт одна девушка, она скоро заканчивает аспирантуру. Характер у неё неприятный, она ни с кем не уживается, но вы попробуйте».

И я переехала в шестую общагу.

Девушку звали Лиля. Держалась она независимо, ходила быстро, говорила громко и отрывисто, и потому сначала я поверила словам коменданта. Но прошло несколько дней, и стало понятно, что Лиля – мягкая и нежная натура, которая привыкла защищаться от мира внешней резкостью. И мы подружились. Вместе пили чай, рассказывали друг другу о себе, делились разными секретами. К ней как-то зашёл молодой человек, который по её просьбе перевёл тексты нескольких песен Патрисии Каас. Певица была тогда очень популярна, все её

слушали, а французский мало кто знал. Звали этого парня Володей, был он крупный, какой-то то ли несобранный, то ли неуклюжий, то ли стеснительный, но чем-то вызывал симпатию. И когда через несколько дней я встретила с ним в коридоре, то, сама себе удивляясь, пригласила его к нам на чай, чему тот обрадовался.

С этого момента наши отношения с Володей стали развиваться, а примерно через год мы решили пожениться. Намерения наши были самыми серьёзными, мы подали заявление в Куйбышевский ЗАГС, но пришлось ждать несколько месяцев, когда подойдёт наша очередь зарегистрироваться. Эмма Серафимовна пошла нам навстречу и выделила маленькую комнату ещё до бракосочетания, сказав: «Смотрите, чтобы поженились, а то скажут, что я поощряю разврат». Мы клятвенно обещали.

О, как мы радовались отдельной комнате! Я смастерила какие-то сложнотрапированные шторы, чтобы хоть немного украсить скромное жильё, где-то мы нашли убогий холодильник без морозильной камеры. Толку от него было мало, но кое-какие продукты там можно было недолго хранить. Всё-таки это был какой-никакой, но свой холодильник. На кухне стоял большой общественный, однако оставлять там продукты было чревато: они постоянно пропадали.

В общежитии время от времени появлялись уличные коты. (Нет, не подумайте ничего плохого про уличных котов: это не они воровали продукты из общественного холодильника!) Я не обращала на котов особого внимания, да и непонятно было, то ли они чьи-то, то ли ничьи. Всегда находилась сердобольная душа, обычно девушка, которая их подкармливала, и всегда находился их гонитель, обычно парень, который в прямом смысле этого слова выпинывал непрошенных постояльцев. Проявления первого я видела сама, о втором только слышала от других – я бы не позволила пинать кота.

По отношению к животным можно судить о человеке, это как лакмусовая бумажка: жалеешь их, видишь в них своих братьев – ты гуманист, обижаешь, бьёшь, издеваешься – нравственный калека.

Только однажды, в виде шутки, я позволила себе высказаться о четвероногих грубо. Было это много позже аспирантуры. Моя знакомая попросила помочь её дочке. Девочка училась в шестом классе, им по русскому языку задали написать три текста в подражание «Вредным советам» Григория Остера. Пришлось экспромтом за несколько минут сочинить.

Не ходите, дети, в школу.
Ну зачем вам буквы знать?
Цифры тоже бесполезны
Для младенческих голов.
В слабой памяти, конечно,
Не задержится ничто.
Голова лишь разболится.
Ну а это вам на что?
Папа с мамой прокормят
Своё милое дитя.
Не ходите, дети, в школу,
Не теряйте время зря.

Если вы в трамвае сели,
Место заняли своё,
То зубами и когтями
Вы держитесь за него.
Рядом тут стоит старушка,
Ну и пусть себе стоит.
Даже если она рухнет,

Места ей не уступай.
Ведь когда она присядет,
Не уступит ни за что.
Вежливым быть очень плохо:
Ты страдаешь целый век.

Если ты увидел кошку,
То хватай её за хвост
И крути что было силы,
Чтоб никто не подходил.
Если ты собаку видишь,
То пинай её скорей.
Удовольствия такого
Ни за что не упускай.
Ведь животные на свете
Существуют для того,
Чтобы с ними мы играли
В игры резвые свои!

Вообще-то говоря, думая об аспирантуре, я мечтала попасть в царство науки, высоких принципов и идеалов. А попала... Ну, просто в жизнь, какую знала и до этого, и какой совсем не знала. Была я девочка домашняя, в студенческих общежитиях не жила, о диких нравах их обитателей только слышала. Аспиранты уже не студенты, большинство – люди взрослые, получившие опыт преподавательской работы, но, попав в общагу, некоторые дичали и зверели. Или просто наконец проявляли свою истинную сущность.

Когда я поселилась в шестом общежитии, сразу обратила внимание на дедовщину и бабовщину. Первая проявлялась в том, что парни из Уссурийска и Читы были самыми смелыми и наглыми и запугали остальных очкариков. Я уже не застала мастодонтов эпохи установления владычества дальневосточно-забайкальского клана, но слышала легенды о том, как небезызвестный историк Жора из Читы каждый день дрался с математиком из Уссурийска, имя которого затерялось в веках. Оба сильно пили, буянили, всех задирали и постоянно выясняли, кто сильнее. Остальные аспирантики ходили на цыпочках и прятались по углам, прямо как родня купца Дикого – любимого школьного самодура из «Грозы» Островского.

Кстати, узнав, что Володя из Читы, комендант сначала ни в какую не хотела его селить в пятое или шестое общежитие, а решила услать куда-то далеко, на Проспект Победы, где имела ещё одна общага. Но оттуда было неудобно добираться до Набережной Мойки, на занятия. Наконец после долгих уговоров и заверений в Володиной безопасности Эмма Серафимовна разрешила ему жить в шестом общежитии. Володя сразу был принят кланом как свой: хотя драться он не дрался, зато пить пил. А главное – был земляком. Сначала он жил в большой комнате на третьем этаже, где соседей было человек пять, а потом его поселили на первом этаже в двухместной комнатухе аж с самим Жорой.

Явление бабовщины было несколько сложнее и тоньше. Драк там не происходило, явного пьянства замечено не было, землячества не образовывались, однако девицы и бабицы, заканчивавшие аспирантуру, чувствовали себя кем-то вроде дедов в армии: они не стеснялись открытым текстом говорить первокурсникам, как они должны себя вести, как разговаривать, по каким половицам ходить и так далее. Как-то так получилось, что со мной таких разговоров вначале не вели: то ли пропустили за другими хлопотами, то ли решили, что новенькая и так всё узнает. И действительно, несколько испуганных первокурсниц рассказали мне, как им читали мораль и какие тут табу.

Меня это и позабавило, и возмутило. Я призадумалась. «А давайте нарисуем плакат, – предложила я. – Напишем какие-нибудь стишки, посмеёмся над этими клушами». Сказано – сделано. Раздобыли мы лист ватмана. Что там было нарисовано, не помню, и текста тоже. Был какой-то щенячий вызов системе, что-то вроде: «Товаришши аспиранты! Все на борьбу с лицемерием, ханжеством и невежеством! Урря!»

Прикрепили этот плакат высоко, почти под потолком, на кухне женского второго этажа, над газовыми плитами. Что тут началась! Все второ- и третьекурсницы сочли себя глубоко оскорблёнными. Они закудахтали со страшной силой, некоторые бегали к Эмме Серафимовне и требовали меня выселить, но та отмахнулась: решайте свои проблемы сами. Тогда ко мне в коридоре начали подходить грозные клуши и шипеть. Нет, это змеи, а не клуши. Они шипели, что я не уважаю традиций, что я тут без году неделя, ничего не знаю, не умею, не понимаю. Как можно! Вы так невоспитанны, что! Мы не можем этого так оставить! Вы должны извиниться! Кудах! Шшш... Кудах! Шшш...

Я громко смеялась, повергая клушши в шок, смятение, ужас, возмущение. Одна особенно приставала ко мне, даже в туалет не давала пройти. Мне стало её жалко. Я с высоты своего роста, свободная, молодая, симпатичная, смотрела на неё, маленькую, увядшую, некрасивую и, по-моему, несчастную женщину, и мне стало её жаль, и я смягчилась, сказала, что да, наверное, я была неправа, шутка была глупая, я ничего не имею против ваших правил и постараюсь их соблюдать. Клуша обрадовалась, что-то долго ещё лепетала, успокоенная моими обещаниями.

Надо же, как мало надо, чтобы осчастливить человека: ему нужно сказать то, что он хочет услышать.

Я решила, что инцидент исчерпан, но не тут-то было. Зайдя на кухню, где ещё висел злосчастный плакат, я увидела одну ехидную девицу. Она стала с издёвкой цитировать текст: «„Товаришши“... Как это по-плебейски!» Я смерила её, в задрипанном халате и растоптанных тапочках, взглядом с головы до ног и обратно и, выходя из кухни, хмыкнув, сказала: «Ариссстократка...» Интонацию на бумаге передать не могу, но, уверяю, она была убийственной. После этого ко мне никто не подходил и ничего не говорил. Меня, как отверженную, оставили в покое. Слава тебе, господи!

Коты были гораздо симпатичнее многих людей.

Запомнился мне серый Васька – тем, что был очень любопытен. Как-то Володя чинил замок двери нашей комнаты, который стал плохо открываться-закрываться, смотрим – и Вася тут же сидит, смотрит так внимательно, как будто проверяет, всё ли правильно. Володя провозился около получаса, и Вася сидел не шевелясь. Мы стали смеяться и с тех пор Ваську выделяли, здоровались с ним. Он ещё пару раз приходил к нашей двери, интересовался, как мы живём.

А жизнь у нас была интересная: не только занятия и учёба, лекции и конспекты, пишущая машинка и стопы бумаги, но и молодость, поиски приключений, белые ночи, прогулки по почти пустому предутреннему Петербургу – завораживающе красивому и таинственному. Невский проспект почти всегда полон машин и прохожих, суетен, многолик, многозвучен. А где-то около пяти утра мы видели совсем другой – пустой Невский, что поразило меня до глубины души. Мы стояли и смотрели в оба конца – ни одной машины, пусто, вышли на середину проспекта и пошли, оглядываясь. Это было недалеко от Казанского собора. Слишком долго так идти не хватило наглости: вдруг да появится четырёхколёсный агрегат?

Ранней осенью, кажется, 1992 года мы узнали, что нужна массовка для фильма «Удачи вам, господа!» Втроём с Лилей пришли в какое-то здание, там уже было много народа, нас посадили в зрительный зал, помощница режиссёра объяснила, что мы должны делать: в какие-то моменты хлопать, в какие-то возмущаться. Одного мужчину попросили встать и громко сказать фразу, кажется: «Мы не согласны!» Нас снимали, переснимали, всё это длилось долго,

ждали Караченцова, который заезжал на мотоцикле из зрительного зала по помосту прямо на сцену. Прошло часа два, не меньше, пока нас, наконец, не отпустили. Но мне в целом эта суэта понравилась, потому что был новый жизненный опыт. Правда, когда посмотрели фильм, то были разочарованы, потому что себя в лицах массовки не увидели: эту сцену почему-то пересняли.

После съёмок мы стояли в длинной очереди за гонораром в двадцать пять рублей. Стоять пришлось долго, мы о чём-то болтали, смотрели по сторонам. Тут ко мне подошла помощница режиссёра и сказала, что, мол, мой типаж подходит для исторического фильма, который скоро начнут снимать, роль придворной дамы без слов, нужно будет сидеть с веером в руке. Ей мой профиль понравился. Помощница записала себе в блокнот моё имя, фамилию, номер нашего общежития (я объяснила, что аспирантка, что телефон внизу около вахты). Потом она подошла к одной женщине с ещё более выдающимся профилем, чем у меня, – с совершенно орлиным носом.

Для меня это приглашение было неожиданным, я немного удивилась, но не очень обрадовалась, ведь постоянно думала, что у меня проблемы с кожей, мешки и синяки под глазами, которые я то припудривала, то ещё как-то пыталась скрыть, а значит, я буду ужасно выглядеть с экрана. В общем, спустя несколько минут я уже пожалела, что дала телефон этой ассистентке. Зато как меня поразила реакция Лили... У неё лицо исказилось от зависти. Она потом перебила себя и призналась мне, что просто мечтала сняться хоть в какой-нибудь роли, так надеялась, что и к ней подойдут, но, увы. «Как тебе везёт! – говорила она. – У тебя породистое лицо, на тебя все обращают внимание! Мне бы твою внешность!» Господи, Лилечка, да разве кто-нибудь из девушек бывает доволен своим лицом? Я с детства считала себя некрасивой, смирилась с этим и лишь к тридцати поняла, что вполне симпатична, к сорока – что всё можно начать сначала, к пятидесяти – что внутренний покой дороже всего.

Что вы думаете? Прошло какое-то время, я и думать забыла о случившемся, столько было хлопот с подготовкой к экзаменам, написанием рефератов и отчётов, фрагментов несостоявшейся диссертации, и тут мне вахтёрша говорит: Лена, мол, звонила какая-то женщина, тебя спрашивала. Прошло ещё несколько дней – меня позвали к телефону. Пока я бежала с третьего этажа на первый, звонок уже прервался. Так и не пришлось мне сняться в роли придворной дамы, и слава богу.

Про породистый профиль мне говорили и раньше: одна из пожилых преподавательниц в Нижневартковском пединституте, где я успела немного поработать до аспирантуры, несколько раз делала мне такой комплимент: «Лена, у вас нос русской аристократии!» В ответ я смеялась и отвечала: «Да, на семерых рос, одной мне достался». Ну как такие вещи воспринимать всерьёз?

Опять отвлеклась, а ведь писала про серого Ваську. Он был хорошим котом – самостоятельным, ненавязчивым, умным, симпатичным. А разве бывают несимпатичные? Но взять кого-то из хвостатых-полосатых желаний не было: после Франтика прошло столько лет, казалось, что животные мне больше не нужны.

Однажды в общежитии появилась чёрная кошка. Была она тонка, грациозна, а когда сидела на подоконнике, то напоминала статуэтки древнеегипетских кошек. Кто-то её кормил, кто-то гонял, но кошка прижилась и как-то прибилась именно к нам. Раз зашла в нашу комнату, два зашла да и осталась. Мы её не гнали, посмеивались, иногда подкармливали, своей не считали, да она и не была домашней – постоянно на улице убегала, у неё там были свои дела. Стали звать кошку Чернушкой.

Чернушка особенно полюбила моего Володю. Меня она только терпела, зато за мужчиной бегала, как верная собачка. Он как раз в это время подрабатывал ночным сторожем в одном из университетских корпусов, и кошка всё время его сопровождала. Она была быстра, ловка

и бесстрашна, в отличие от меня. Я вроде трусихой себя не считала, но жизнь показала, чего я стою.

Всего один раз муж попросил меня немного посидеть вместо него поздно вечером на боевом посту сторожа, а я чуть не умерла от страха. Что раньше было в этом удалённом от других двухэтажном корпусе, не знаю, в то время его арендовала какая-то новоявленная фирма, которая занималась неизвестно чем. Там вроде бы и ценных предметов не было, но не успел Володя уйти, как я услышала какую-то возню у входной двери. Я даже подошла к ней и спросила, кто это, но в ответ раздавались только звуки взлома. На подкашивающихся ногах я поднялась на второй этаж и стала лихорадочно думать, что делать, как спастись от бандита. Володи всё не было. Наконец я догадалась позвонить в милицию, кое-как объяснила, где нахожусь. Позвонила и дежурному пятого общежития, им оказался знакомый аспирант, он обещал прийти. Я немного ободрилась, но всё равно было очень страшно, так страшно, что я иногда забывала дышать, а потом спохватывалась, стыдила себя, но всё напрасно: ужас доводил до окования. Минут через пятнадцать или двадцать все сразу подошли, милиционеры схватили взломщика. Им оказался совсем не Бильбо, а местный дурачок. Володе пришлось потом долго успокаивать меня.

С этим злополучным корпусом связана ещё одна неприятная история. Однажды Володя утром уходил с дежурства, видит – женщина собаку выгуливает. Вдруг псина вырвалась, побежала в какой-то уголок-закуток, не слушая хозяйку, а выбежала оттуда, неся в зубах человеческую кисть. Нашла добычу... Володю аж затошнило. Пришлось возвращаться в корпус (там был телефон), вызывать милицию. Чем дело кончилось, не знаю, известно только, что в закутке нашли потом и вторую кисть, а другие части тела, видимо, были разбросаны по всему городу. Тогда был разгул криминала, время от времени стреляли на улицах, даже рядом с моей любимой набережной. Откуда шли выстрелы, было непонятно, поэтому особенно неприятно, и люди жались к ограде, чтобы их не задело. Мне тоже хотелось куда-нибудь спрятаться, и я поспешила уйти с открытого места.

Думаю, Чернушка была намного храбрее меня, например, в два счёта расправилась бы с этим незадачливым вором, она бы просто выцарапала ему глаза, и дело с концом. Жила теперь она у нас, спала у нас, и мне это не особенно нравилось. Я спала с краю, Володя у стены. Однажды утром просыпаюсь, как от толчка, открываю глаза и вижу перед собой жёлтые немигающие глаза кошки. Она встала на задние лапы, передними упёрлась в кровать и разглядывала меня спящую. Причём выражение её морды показалось мне зловещим. Я вскрикнула и сделала рукой отбрасывающее движение – Чернушка скрылась. Когда об этом рассказала Володе, он только посмеялся. Но потом и сам стал замечать, что его кошка любит, а меня нет. Верите ли, я стала побаиваться Чернушку: мало ли что у неё на уме? А вслух полушутя говорила, что она мечтает меня выжить, чтобы остаться с Володей вдвоём. Может, я была не так уж неправа?

Есть такое выражение: «Мужик должен быть могуч, вонюч и волосат». Наверное, первобытный мужик – да. Но хотелось бы, чтобы современные мужчины были, по крайней мере, не сильно вонючими. Однако, когда Володя потел, его рубашки воняли нестерпимо. Этим запахом можно было убить, но Чернушке он так нравился, что она каталась в его грязных рубашках, нюхала потные тёмные пятна, тёрлась о них, лизала и грызла подмышки до дыр. Настоящая наркоманка или, лучше сказать, потоманка.

Ещё пару раз в общежитие при мне заходил совершенно удивительный кот. Был он, несмотря на худобу, очень крупный, абсолютно спокойный и уверенный в себе, с огромным сократовским лбом. Когда я впервые увидела это чудо, вальяжно разлёгшееся в старом кресле на лестничной площадке второго этажа, то не поверила своим глазам: голова кота была по размерам скорее головой ребёнка, а лоб – лбом телёнка. Я тарасилась на него в почтительном изумлении, а кот снисходительно поглядывал на меня. Я присела на корточки рядом с ним и

смотрела на его широченный лоб – кот даже не шевельнулся. А взгляд у него был совершенно человеческий, как у восточного мудреца.

Никто не знал, как его зовут, откуда он. Мы с Володей почему-то назвали его Бальзамином. Какие ассоциации при этом разыгрались, бог весть. Встречала я Бальзамина и на улице. Он всегда был медлителен, важен, окружён кошками, как патриарх-шах-падишах. Я испытывала к нему уважение, как к человеку, чувствовала, что передо мной совершенно неповторимое создание, многоумное и одарённое.

Как-то тёплым весенним днём окно общей кухни на третьем этаже было открыто, и я могла наблюдать интересную картину: на площадке между нашим общежитием и домом для персонала развлекалась парочка – огромный чёрно-белый кот и небольшая белая кошечка. По всему было видно, что у них любовь. В коте я узнала Бальзамина. Пушистая беляночка крутилась возле своего повелителя, а тот небрежно-лениво поворачивался, снисходительно-ласково поглядывая на неё. Я стояла, смотрела и улыбалась этой идиллии. Вдруг появилась чёрная гибкая кошка. Ба! (это старинное междометие так редко удаётся использовать) да это Чернушка! События приобретали характер драмы. Наша дива, не обращая внимания на соперницу, стала стелиться перед Бальзамином, валяться у его ног, вставать в известную позу, снова крутиться, изгибаться, как змея. Кот был явно ошарашен. Он поглядывал на свою белую спутницу как бы с вопросом, та отошла в сторону, села и стала наблюдать. Чернушка активно, бесстыдно и нагло, прямо на глазах у соперницы, отбивала кавалера. Я долго смотрела на это действие, было интересно, чем всё закончится, но какие-то неотложные дела заставили меня уйти с наблюдательного поста.

Вечером я рассказала Володе про Чернушкины забавы, мы посмеялись и забыли. Однако через несколько недель стало ясно, что старания нашей кокетки не прошли даром: животик у неё округлился, она стала искать место для родов. Естественно, в нашей комнате. Искала долго. Комната не была слишком уютной, но всё-таки в ней стояла кровать, шкаф, обеденный столик с парой табуреток и стол для занятий. Ещё была старинная батарея парового отопления, которая для кошки могла сойти за мебель.

Чернушка всё облазила и явно раздумывала, где бы ей пристроиться, я уже стала собирать старые тряпки, чтобы соорудить «гнездо» под кроватью, но как-то раз, открыв шкаф, обнаружила котиню на стопке чистого постельного белья. «Ах вот ты где собралась рожать!» – с негодованием воскликнула я и выдворила Чернушку из шкафа. Ей это совсем не понравилось, и она снова и снова пыталась туда залезть. Дверца у шкафа открывалась даже лапой. Пришлось закрывать её на ключ. В угоду котине одну из простыней я пожертвовала для «гнезда», которое всё-таки сделала под кроватью.

До родов оставались считанные дни, Чернушка еле носила своё пузо, оттянувшееся почти до земли, как в общежитии появилась ещё одна кошечка. Это было юное серо-белое создание. Оно хотело еды и ласки. Но наша Бастет решила по-своему. Она терпеть не могла конкуренток. Серая наивная кошаня только приблизилась к нашей двери, как Чернушка выскочила и задала ей трёпку. Это было зрелище! Сначала наша бестия, стучаясь животом об пол, промчалась за гостевой по длинному коридору, потом, несмотря на глубокую беременность, догнала-таки её, яростно вцепилась, и мы увидели клубок, который бился и летал, и слышали гамму звуков от писка до рыка. Наконец клубок распался, серая юница сбежала, а наша статс-дама, тяжело дыша, вернулась с победой, явно довольная собой. Она отстояла своё право жить у нас и ни с кем не делиться.

И в один прекрасный день Чернушка родила. (Почему, интересно, рука сама пишет «прекрасный»? Разве нельзя сказать просто «однажды», «как-то днём» и тому подобное? Нет, нужно обязательно в стоимиллионный раз, вслед за многочисленными предшественниками, повторять «в один прекрасный день». А если он был вовсе не прекрасный?)

В июне 1992 года Чернушка родила пятерых котят – трёх девочек и двух мальчиков. Не помню, чтобы она кричала, нет, всё прошло как-то удивительно тихо, просто она возилась, возилась под кроватью, а потом смотрим – котятки.

Сейчас я буду каяться. Но хочу, чтобы вы вспомнили то время. Нашей стипендии хватало дней на пять. Чтобы выжить, Володя подрабатывал дворником, сторожем, но денег катастрофически не хватало, да и магазины опустели. Купить продукты было сложно. На месяц выдавали карточки – талоны на крупу, макароны, масло, водку и т. п. Их ещё нужно было суметь отоварить. Везде, где что-то можно было купить, стояли очереди. За водкой – гигантские, там вечно были свары и драки. Я даже не пыталась туда ходить, мне и водка не была нужна, но тогда это было что-то вроде валюты: водкой можно было расплатиться за услугу или обменять её на что-нибудь. К тому же мы собирались зимой поехать к маме в Тобольск, а что могли привезти бедные аспиранты, кроме сэкономленной водки? В винно-водочный магазин раз в месяц мужественно ходил Володя и приносил две бутылки, прижатые к груди.

В какие-то дни мы питались только варёной перловкой. Не было ни хлеба, ни чая. Не было и молока, чтобы кормить кошку и котят. Перед нами встала проблема: что делать?

Мы спросили у нескольких человек, но котята никому не были нужны. Во дворе была помойка, там ежедневно происходили сражения за отбросы, коты дрались и выли, в контейнерах шныряли крысы, часто пробегали уличные собаки и тоже рылись в поисках еды. Вынести новорождённых котят во двор означало сделать их лёгкой добычей голодных зверей. Оставить всех у себя невыносимо: кошка была тощей, она бы не смогла выкормить всех, а у нас почти ничего не было из продуктов.

Наверное, надо было умыть руки и предоставить судьбе самой решать участь котят, но я не хотела видеть их неизбежную мучительную смерть от голода. Тяжёлый это был день, а вовсе не прекрасный. Мы тихо совещались с Володей, вопросительно глядя друг на друга. Наконец я сказала: «Если набрать полное ведро воды, опустить туда котят и закрыть его крышкой, наверное, они быстро умрут». Я и сейчас уверена, что котята были обречены на смерть, вот почему выбрала более лёгкий, как мне казалось, исход. Володя побледнел, он какое-то время собирался с духом, потом забрал четверых котят и ушёл с ними в санитарную комнату. Там парни умывались и стирали, но обычно она была пустой. А я осталась в нашей комнате, сидела, обхватив голову руками, в ужасе от того, что приняла такое решение.

Потом я не раз с болью в сердце вспоминала о том, как попыталась взять на себя функции Бога – даровать жизнь и её отнимать. Кто я такая, чтобы лишать кого-то жизни? Как я могла? А когда спустя годы об этом узнала наша дочь, она назвала нас убийцами. Господи... Господи милосердный, помилуй нас.

Так с нами остался только Максик.

Почему именно он? Когда Чернушка стала кормить своих новорождённых слепых малышей, мы начали к ним присматриваться. Из двух мальчиков нужно было выбрать одного. Но кого? Я предложила оставить самого активного, как самого живучего. И вот мы смотрели, как котята себя ведут. Они все жадно искали соски на мамкином животе, отталкивая друг друга разъезжавшимися лапками. Один, самый чёрный, толкался сильнее других, карабкался на своих братьев и сестёр, отрывая их от воделенной титьки. Его и выбрали. А раз он был немного крупнее остальных, то назвали его Максимусом. (Володя в это время по решению кафедры романской филологии стал вести латинский язык на филфаке. Ставки не было, только какие-то часы, но званию латиниста надо было соответствовать.) Потом это имя сократили до Макса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.